

ДНЕВНИК

*генерал-фельдмаршала
графа*

*Дмитрия Алексеевича
Милютина*

1882–1890

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2010

С большим вниманием следил Мелетин за информацией о политике Военного министерства, собирал сообщения начальника Главного штаба Н.Н. Оbruchев о снабжении русской армии современным оружием, укрепление ее боевым сил. Однако выражал сомнения, что в ближайшее время будет достигнута поставленная цель и «мы не будем уступать нашим западным соседям ни в количестве боевых сил, ни в готовности к войне». А то, что возможность «русско-сардинской войны» должна учитываться — в этом Мелетин и Оbruchев были едины. Мелетин был уверен, что Россия будет иметь дело с коалицией и тогда ее силы вряд ли окажутся достаточными, чтобы вести войну без осложнений. Оbruchев же не касался этого вопроса вовсе (с. 186). Еще возможность встретиться с Оbruchевым через 4 месяца, Мелетин в беседе «спал на спал» узнает о секретных мерах Военного министерства на случай войны и расчетам относительно решения восточного вопроса. Он убеждается, что все еще преобладают надежды на возможность соглашения с Турцией о совместном занятии проливов; более того, разработан уже подробный план десанта и оборонительной позиции на Босфоре. «В сокращенном виде в начале некоторого делу отношения к восточной», — передает свои мысли Мелетин (с. 186).

Однако параллельно этому плану верховная власть в лице самого Александра III проявила выдержку и отказалась от каких-либо насильственных мер во время крайнего обострения отношений с Болгарией и ее ориентации на Запад. Мелетин имел случай лично убедиться в этом при беседе с Александром III в октябре 1886 г., когда император сам говорил с ним о Болгарии: «Он смотрит спокойно на будущее и твердо решился выдержаться от всяких военных предприятий». Вместе с тем Мелетин отмечал, что Жуков и после в Берлине П.А. Шувалов оценивали внешнеполитические дела России «не в реальном свете», более пессимистично, чем Александр III (с. 191, 194).

Еще раз возвращаясь к этой теме в своем дневнике 10 мая 1887 г., Мелетин передает содержание беседы с тремя генералами Генерального штаба, один из которых (Протопопов) долго занимался изучением Босфора и Дарданелл. Все три сообщили, что укрепление, сооруженные турками в проливах, не остановят прохода английского флота, даже если Порта захочет этому воспрепятствовать. Но «наши специалисты» и в этом случае рассчитывали на возможность протравливания иностранным судам воды в Черном море посредством современных мин. Мелетин выражал сомнения в реальности такого плана и в очередной раз утверждал, что «ника нет у нас в Черном море сильного флота, сама же мысль мы воспрепятствовать вторжению англичан». Восточный вопрос так волновал Мелетина, что решение его представлялось «не очень подробным», с чего и начинается первая записка за 1888 год.

Важная деятельность военного ведомства, проблемы вооружения армии, укрепление обороноспособности страны очень волновали Мелетина-

не довелось повидаться с ним: как видно, он был в этот самый день на дежурстве в Гатчине. Я воспользовался свободным временем, чтобы навестить некоторых из близких лиц, в том числе только что приехавшего из-за границы генерала Обручева, провела у него с час времени в беседе глаз на глаз. Он сообщил мне интересные сведения относительно принимаемых в Военном министерстве секретных мер на случай войны и соображения относительно направления нашей политики по восточному вопросу⁷. В соображениях этих я нахожу некоторую дозу оптимизма и иллюзий. Все еще преобладает надежда на возможность^{**} соглашения с Портой относительно совместного русско-турецкого занятия проливов; на такой случай разработан уже подробный план десанта и оборонительной позиции на Босфоре^{***}. Однако ж, по мнению самого генерала Обручева, нам нужно еще по крайней мере года два мира, чтобы довести наши военные силы до желанной готовности к войне.

Выехал^{****} вечером из Петербурга, а на следующее утро, в 9 часов, вышел из поезда на станции Подсолнечной, где ожидал меня экипаж, посланный Оксифычиной. Около 11 часов утра я был уже в Никольском (25 верст от Подсолнечной). Здесь я пробыл до 4-х часов следующего дня; любезные хозяева приняли меня с обычным своим радушием, показывали мне свое поместье, хозяйство, школу, лесничество и т. д. Вечером 25-го числа (в субботу) возвратившись в Подсолнечную, сел я на поезд, приходящий в Москву в 11 часов ночи; переночевал в гостинице «Дрезден»; на другой день утром (26-го, воскресенье) посетил в Новодевичьем монастыре могилы дорогих моих дочерей и матери; заехал к Горбуновым и княгине А. П. Шановской, а в половине первого часа уже выехал из Москвы на «скоро» поезде. Сегодня утром благополучно прибыл в Севастополь^{*****}, а в 8 часов вечера был уже дома.

Здесь нашел и приехавшего на короткое время зять моего Федора Константиновича Гершельмана^{*****}.

⁷ Хотя в общих основных чертах соображения эти кажутся мне действительными, благоприятными, однако ж в частности нахожу некоторую дозу оптимизма и иллюзий.

^{**} при известном благоприятном обстоятельстве.

^{***} Все эти планы, разумеется, готовились тайно на секрет.

^{****} в 8 1/2 часов.

^{*****} рассчитывал продолжать путь на пароме до Ялты. Но срочный паром почему-то задержался, и потому я двинулся до Севастополя на почтовый поезд.

^{*****} Все свое время затратил на прощание.